

Драйв, хайп и кайф

Автор:

Дарья Калинина

Драйв, хайп и кайф

Дарья Александровна Калинина

Иронический детектив (Эксмо)

Сашина бабушка Елизафета Федоровна была большой оригиналкой. Сидела на диетах, занималась йогой и аэробикой. К каждой из продвинутых методик оздоровления организма подходила так основательно, что в конце концов становилась гуру. Так что не было ничего удивительного, что у нее появился свой собственный Йога-центр. Она вела интернет-блог, в котором рассказывала о том, как шикарно выглядеть в ее возрасте. Поэтому Саша так перепугался, когда бабушка в слезах позвонила ему и призналась, что ей снятся странные сны, где умершие родственники зовут ее к себе на небо, а она не хочет умирать. Но, видимо, придется, ведь призраки же никогда не лгут...

Дарья Александровна Калинина

Драйв, хайп и кайф

©?Калинина Д.А., 2018

©?Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава 1

Едва перешагнув порог, Зоя Михайловна сразу поняла, что день будет, что называется, «с сюрпризом». Прямо у входа на абонемент сидела собака. Самая настоящая собака. Сидела и смотрела на Зою Михайловну круглыми блестящими глазами. Это был совсем не большой пес. И взгляд у него был виноватый, словно бы пес и сам понимал, что ему тут совсем не место.

– Чья это собака? – строгим голосом, как и полагается начальству, произнесла Зоя Михайловна.

Вообще-то Зоя Михайловна ни к кому конкретно не обращалась. Посетителей еще не было. А сотрудницы находились слишком далеко, чтобы услышать свою начальницу. Получалось, что Зоя Михайловна обращалась к самой собаке. И пес это понял. Он засмутился еще больше, отвел глаза и одновременно начал помахивать в воздухе своим коротким хвостом.

«Извините, – казалось, говорила вся его поза, – вижу, что я вам не очень-то нравлюсь и вообще вся ситуация довольно глупая, но не моя в том вина, что как-то так уж все получилось».

Обнаружив такую собачью застенчивость, Зоя Михайловна умилилась в ответ. Вообще-то по натуре своей она была «кошатница», поэтому кошек она любила больше, чем собак. Кошку Зоя Михайловна потерпела бы даже во вверенной ее попечению библиотеке. Помимо того, что от кошек была немалая польза – они гоняли мышей, эти милые ласковые животные казались Зое Михайловне куда более чистоплотными и деликатными созданиями. И дома у нее жили две кошки, а вовсе не собаки. Но этот пес обладал какой-то кошачьей мягкостью движений. К тому же он молчал. Не лаял, не прыгал, а просто сидел и усердно делал вид, что его тут в принципе вообще нет.

– Ладно, можешь оставаться.

Пес словно бы понял. Поднял голову. Глаза его весело заблестели.

«Правда? Можно? Ух, здорово!»

Но прыгать, лаять или как-то иначе шуметь, чего так опасалась заведующая библиотеки, пес не стал. Вместо этого он подошел к Зое Михайловне и деликатно обнюхал ее ногу. Выше колена подняться не посмел. Потом снова вильнул хвостом, мол, рад знакомству, и отправился на свое место.

«Я вам не помешаю! – вот что было написано на его морде. – Я тут тихонько... в уголочке».

Пес свернулся калачиком и, кажется, в самом деле уснул.

И все же, заглянув в зал, Зоя Михайловна пожелала выяснить:

– Что за собака у нас в библиотеке?

– Это читателя, – поспешно объяснила ей Анечка – молодая сотрудница, милая, приветливая и услужливая. – Он попросил, чтобы собачка посидела в помещении. На улице дождик. Да и не хочется оставлять такую собачку без присмотра.

– Что вы к собаке прицепились? Мы же разрешаем приводить с собой детей, – вмешалась Наталья Павловна, с которой у Зои Михайловны были несколько напряженные отношения.

Потому что Наталья Павловна была, что называется, «в каждой бочке затычка». Всюду-то ей нужно было высказать свое мнение. Наталья Павловна и сама знала об этой своей нехорошей привычке, но поделаться с собой ничего не могла. Натура была сильнее благих намерений самой Натальи Павловны и пока что брала верх.

– Специально для посетителей с малышами детский уголок оборудовали, хотя у нас вообще-то взрослая библиотека. Но мы идем навстречу мамочкам с детьми, почему же собакам у нас от ворот поворот?

Нетрудно догадаться, что Наталья Павловна была как раз «собачницей». Дома у нее жила такса Люся, мелкое, скандальное и жутко вредное существо, в котором сама Наталья Павловна души не чаяла. А пока любимая Люся находилась вдалеке, Наталья Павловна решила распространить свой протекторат над незнакомым псом.

– Что это хоть за порода?

– Спаниель! Русский охотничий. Отличный пес. Очень послушный. Хозяин нас уверил, что собака не доставит никому никаких неприятностей.

Хозяин! Значит, собаку привел мужчина! Что же, теперь все понятно. Зоя Михайловна могла бы и раньше догадаться о причине такой лояльности своих сотрудниц. Приходить с животными в библиотеку запрещалось правилами. И если сотрудницы пошли против правил – значит, для этого должна была иметься очень веская причина.

– Симпатичный он хоть?

Зоя Михайловна задала этот вопрос и снова тут же мысленно себя одернула. Ну что с ней такое сегодня? Будто бы не ясно, что из-за уroda ее девочки не стали бы подставляться.

– Вы же его сами только что видели.

– Кого?

– Собаку.

Да при чем тут собака! Зоя Михайловна хотела возмутиться. Но в этот момент Анечка усиленно заулыбалась кому-то, кто стоял за спиной Зои Михайловны. Засуетилась и заволновалась. Оглядываясь, Зоя Михайловна уже знала примерно, кого она там увидит. И точно. От длинных стеллажей с книгами к ним приближался молодой человек. И не просто симпатичный, а очень даже симпатичный.

На вид ему было чуть за двадцать. И он Зое Михайловне как-то сразу пришелся по сердцу. Не то чтобы у нее там появились какие-то неприличные мысли на его счет, вовсе нет. Но у нее у самой был сын примерно этих же лет, так что она всех юношей считала отчасти своими сыновьями. И к тому же было видно, что перед ней мальчик из хорошей семьи, чистенький и аккуратный. И подстрижен он был без всех этих новомодных штучек-закорючек, когда половина головы у парней выбрита, половина нет, да еще волосы выстрижены какими-то дурацкими

зигзагами, полосами, а то и вовсе звездами.

И одет юноша был опрятно. Светлые брюки, рубашка в клетку с коротким рукавом, под ней светло-серая футболка. На ногах кроссовки. А книги? Зоя Михайловна спохватилась и укорила саму себя. Кроссовки рассмотрела, а что у него за книги? Вдруг какая-нибудь ерунда? Но нет, книги юноша отобрал себе по истории права. Видимо, студент. Летом будет тоже учиться.

- Вы наш новый читатель? - не удержалась и спросила Зоя Михайловна.

Юноша повернулся к ней и широко улыбнулся.

- Да, поживем у вас. Маме врачи прописали морской воздух, но без смены климата. Вот мы подумали и решили, что ваш город идеально подойдет. И море, то есть залив, рядом. И ехать никуда в другую полосу не надо. Идеально!

Это заявление молодого человека еще больше расположило Зою Михайловну в его пользу. Всегда приятно, когда другие люди находят твой дом идеальным. А Зоя Михайловна к тому же была горячим патриотом своего маленького, но такого уютного, зеленого и спокойного приморского городка. Когда Зоя Михайловна уезжала на чужбину, все ей там было тускло и постыло. Но стоило ее ноге ступить с городского вокзала на родную землю, как и трава вокруг в ту же минуту становилась зеленой, и воздух слаще.

Впрочем, последнее ей могло вовсе не казаться. Крупной промышленности, способной изувечить даже самую стойкую экологию, в их городе отродясь не имелось. Вместо них вдоль приморской полосы, густо поросшей вековыми красавицами-соснами, тянулись сплошные санатории, пансионаты и дома отдыха.

- Да, да! - охотно закивала Зоя Михайловна головой в знак согласия с выбором юноши. - Воздух у нас и впрямь целебный. А чем больна ваша матушка?

- Она гипотоник. Страдает от низкого давления.

- Ну у нас ее давление мигом придет в норму, - произнесла Зоя Михайловна с такой уверенностью, словно обладала по меньшей мере докторской степенью по

медицине. – Можете не сомневаться, молодой человек. Еще будете наш курорт добрым словом вспоминать.

И, вспомнив про спущенный сверху из министерства план на этот год по привлечению новых читателей, гостеприимно добавила:

– Вы и матушку свою к нам приводите. У нас есть обширная подборка женских романов. А не хотите, так есть детективы. Это и вашему батюшке будет интересно почитать на отдыхе.

Молодой человек поблагодарил Зою Михайловну за ее заботу о досуге его и его родственников. И расстались они добрыми друзьями. Зоя Михайловна даже пригласила и в следующий раз приходить вместе с песиком, раз уж он такой тихий и воспитанный.

– А как его кличка, я не спросила?

– Барон. Его зовут Барон.

Зоя Михайловна тут же сделала попытку погладить собаку:

– Бароша.

Пес подставил голову, подсказывая, где лучше гладить.

– Поддай лапу, Барон.

Пес тут же сел и протянул Зое Михайловне правую лапу.

Но не успела Зоя Михайловна восхититься, как хозяин уже строгим голосом скомандовал собаке:

– Другую!

И пес поспешно переменял позу, протягивая теперь для рукопо... пардон, для лапопожатия свою вторую лапу.

– А теперь умри!

И пес тут же плюхнулся на спину, потешно забрав все четыре лапы в воздух, голову он уронил набок и даже язык свесил. Лишь круглый карий глаз хитро поблескивал, наблюдая за реакцией хозяина и публики.

– Молодец! Живи!

Собака тут же вскочила на ноги, радостно помахивая остатком хвоста. Потом Барон по команде сидел, лежал, служил, танцевал, ловил мячик и прыгал с места, а также через предметы. А уж когда его хозяин извлек из принесенной с собой губной гармошки несколько аккордов, пес тут же уселся и склонил голову, прислушался. Хозяин играл дальше, музыка была печальной, и тонкая собачья натура Барона не выдержала такого наплыва чувств. Пес поднял голову и запел.

Ах, как он пел! Переливчато, громко, пытаясь при этом попадать в такт и в ноты. Старательности и усердию этой собаки мог бы позавидовать любой ученик музыкальной школы. И у Барона получалось очень здорово. И уж точно громко. Собачьи рулады поднимались под самый потолок двухэтажного красивого здания, заполняя все его уголки и укромные ниши. Разумеется, такое выступление не могло остаться незамеченным. Не прошло и двух минут, как возле артиста столпилось двенадцать женщин – штат сотрудников городской библиотеки.

– Как поет! И волнуется!

Барон действительно от возбуждения перебирал передними лапами, иногда он срывался на лай, но быстро выправлялся и снова, задрвав голову к потолку, старательно пел.

– А-у-у-у! Ау-у! У-у-у-у! Ав-ав!

Наконец представление было завершено. И уже по собственной инициативе Барон схватил корзиночку со стенда выставки ручных промыслов и, взяв ее в зубы, обежал зрителей по кругу.

– Это уже его собственная импровизация.

Тем не менее в корзиночку мигом посыпались конфеты, печенюшки, а кто-то даже сбежал за бутербродом с колбасой. И корзиночка вместе со всеми вкусняшками была торжественно презентована Зоей Михайловной хозяину такой замечательной собаки. При этом заведующая, продолжая держать руку на пульсе, не преминула взять с юноши слово, что он вернет корзиночку, когда снова придет к ним в библиотеку.

– На этот раз ждем вас со всей вашей семьей.

Зоя Михайловна хотела сказать, чтобы и знакомых приводил, но вовремя остановилась. Это было бы уже слишком. Да и вообще, откуда у юноши, который чужой в их городе, могут оказаться знакомые? Хорошо, если семью свою приведет. И, от всего сердца пожав руку юноше, заведующая поспешила по другим своим делам.

А недавний герой спектакля вышел из здания библиотеки и первым делом поглядел на небо. Разошлись ли тучи? Тучки были какими-то рваными, и выглядели они вполне безобидно. Неприятный морозящий дождик, подпортивший настроение горожанам с утра, теперь уже прекратился, и солнышко осветило все вокруг, мигом придав и старым домам, и асфальтовой мостовой совсем другой облик.

Думая, что у юноши нету знакомых в их городе, Зоя Михайловна ошибалась. Знакомые у Саши были. И даже целых четыре штуки. Два друга и две подруги. Не в том смысле, что подруги – как невесты, а подруги просто как подруги. Такое большое количество знакомых объяснялось не развитием социальных сетей, в которых можно познакомиться вообще с кем угодно и в какой угодно точке земного шарика, а совсем другими причинами. Дело в том, что Саша отнюдь не был таким уж чужаком в этом городе.

И визит его в городскую библиотеку не был таким уж случайным. Скорее даже совсем наоборот. Саша записался в библиотеку с одной-единственной целью, которая была очень далека от прочтения тех книг, которые он себе набрал. И, сказав любезнейшей Зое Михайловне, что его самого и его родителей привело в их курортный город желание поправить мамино здоровье, Саша сказал лишь половину правды. Вторая половина заключалась в том, что в этом городе жила его бабушка – Елизафета Федоровна. И эта самая старушка сейчас отчаянно нуждалась в их помощи.

Елизафета Федоровна, вот именно так, через букву «ф», требовала называть ее эта старая оригиналка. Она была родной тетей Сашиной мамы, а стало быть, самому Саше старушка приходилась лишь двоюродной бабушкой. Впрочем, назвать старушкой Елизафету Федоровну не повернулся бы язык даже у самого нахального критика. Елизафета Федоровна всегда тщательно следила за своей внешностью.

Сколько помнил Саша, вечно она сидела на всевозможных диетах, занималась различными физическими упражнениями, йогой и аэробикой даже в далекие советские и восьмидесятые перестроечные годы. Ну а потом наступил черед более продвинутых методик, к каждой из которых Елизафета Федоровна подходила так основательно, что в конце концов становилась своего рода гуру в том или ином виде оздоровления организма. Так что не было ничего удивительного, что сейчас она имела собственный центр и вела в Сети блог, в котором рассказывала о том, как в ее возрасте выглядеть так, как выглядит она.

От желающих поучиться у нее этому искусству отбою не было, потому что выглядела Елизафета Федоровна и впрямь отлично. И к тому же Саша точно знал, что ни к пластике, ни к прочим хирургическим манипуляциям его бабушка никогда не прибегала.

– Что в основе всего? – говорила она всем, кто желал слушать. – Режим дня и постоянный самоконтроль. И еще один крайне важный момент, о котором все мы забываем. Что это? А очень простая вещь – вставать надо вместе с солнышком, ложиться тоже вместе с ним. Вы замечали, что все птички просыпаются на восходе? Нету среди них лежебок и лентяев, которые будут валяться в своих гнездах до полудня. Нет, и птицы, и животные куда более самоорганизованы, нежели мы, люди. Мой отец, а он был заядлым охотником, всегда говорил: если ты видишь завтракающего зверя в девять утра – значит, он и на следующее утро тоже будет завтракать в этом же месте и обязательно в это же время. Можешь приходить туда и брать его. Даже утки на пруду живут строго по расписанию. И сначала у них завтрак, потом они чистятся и прихорашиваются, прогулка, отдых. И никаких часов им не надо, они сами знают, что и за чем им делать. Так что режим, мои дорогие, и еще раз режим.

Разумеется, в своем блоге Елизафета Федоровна таких скучных рекомендаций не давала. А давала она кучу разнообразных методик, при выполнении которых опять же требовался все тот же самоконтроль, режим и дисциплина, но зато звучали и выглядели они куда привлекательнее. Например, то самое настойчиво

требуемое пробуждение на рассвете называлось «ловить солнечный ветер». Для этого нужно было выйти на улицу, балкон, лоджию, конечно, при условии, что они выходили на восток. И там следовало стоять десять минут, подняв руки к небу и «вдыхая» в себя «солнечный ветер» и впуская вместе с ним потоки животворящей жизненной энергии.

Да, не всякий мог встать в такую рань. Не говоря уж о том, что и стоять требовалось нагишом. В виде послабления разрешалось надевать лишь самые легкие одежды и обязательно из натуральной ткани, в идеале домотканой. «Дышать солнцем» нужно было в любое время года и в любую погоду. Исключение составляли проливной дождь или снежный буран, когда никакого солнца на небосводе и в помине не было. Облачность, морозящий дождик оправданием не считались. Ветер, даже самый пронизывающий и ледяной, оправданием для уклонения от процедуры тоже не считался.

Постояв на утреннем холодке десять минут, человек основательно пробуждался. И, таким образом, первое требование Елизафеты Федоровны, вставать с солнышком, было соблюдено. Ну, а дальше у нее были свои хитрости, чтобы заставить человека жить строго по часам, питаться умеренно, включить в свой рацион разгрузочные дни, больше расслабляться, меньше волноваться. Одним словом, вести жизнь ответственного санаторно-курортного отдыхающего старой советской закалки, когда человек сознавал, что он на отдых не развлекаться приехал, а поправлять свое здоровье, чтобы затем с новыми силами взяться за строительство светлого социалистического будущего.

В общем, Елизафета Федоровна была личностью незаурядной, коли уж умудрялась в наш развращенный век заставить своих последователей жить по режиму. И еще она была богата. И одинока. Несмотря на свою привлекательность и большое количество поклонников, Елизафета Федоровна сходить замуж как-то так и не удосужилась. То ли сама не захотела связываться с домашним бытом, то ли не смогла выбрать из числа многих достойных претендентов. Но так или иначе, а замуж Елизафета Федоровна так и не вышла, детьми не обзавелась и всегда и повсеместно называла Марину, маму Саши, не только своей племянницей, но и наследницей.

– Мариночка, ты да Сашка – вот и все, кто у меня есть. Ларка – старая перечница. Глеб – старый мухомор. Какие из них наследники?

Ларка и Глеб – это были самые старые и проверенные друзья Елизафеты Федоровны. Глеб одно время даже ходил у нее в женихах, но, получив решительный отказ, переключился на лучшую подругу тетушки Феты – Лару. Та ответила мужчине взаимностью, и новая пара состоялась. Елизафету Федоровну такая переменчивость ее поклонника ничуть не огорчила, она сразу сказала, что Глебу с Ларой будет куда лучше, чем с ней.

Жили эти двое по соседству с Елизафетой Федоровной в том же городе. Детей у Глеба с Ларой тоже не случилось. Отвлекаться им было, кроме как друг на друга, не на кого, и они много времени проводили втроем. Из всех троих именно Елизафета Федоровна вела самый активный образ жизни, она много ездила, многим интересовалась. Именно она была локомотивом, а Глеб и Лара двигались за ней прицепными вагончиками.

Обычно случается так, что пожилые люди начинают требовать от своих молодых сородичей внимания и заботы. Но Елизафета Федоровна и тут проявила оригинальность: никакого внимания от своей племянницы она не требовала. Наоборот, это Марине приходилось вылавливать тетушку, чтобы просто спросить, как у той дела. А дел у Елизафеты Федоровны было всегда слишком много, а времени слишком мало.

– Как подумаю, что мне уже семьдесят пять, страшно становится. Сколько же мне еще осталось? Двадцать? Двадцать пять? В лучшем случае тридцать или тридцать пять. Дольше не протяну, я чувствую.

У Саши всегда глаза лезли на лоб, когда он слышал, как бабуля спокойно рассуждает о том, что дожить до девяносто пяти или до ста – это для нее еще не предел.

Впрочем, здоровье у Елизафеты Федоровны было отменное. Просто богатырское здоровье.

– Вас хоть в армию отправляй!

Так ей регулярно говорили врачи, проводящие осмотр. Ни анализы, ни результаты КТ не позволяли предположить в Елизафете Федоровне хотя бы малейшей хвори.

– Суворов, Кутузов и Барклай де Толли в одном лице, – хвасталась сама старушка, почему-то упорно смешивая этих трех полководцев, хотя отменным здоровьем из них троих отличался лишь Суворов, да и тот в детстве был довольно хилым.

И, сворачивая разговор с любимой племянницей, тетушка говорила:

– Нечего моим здоровьем интересоваться. Оно со мной и никуда не денется. А теперь, Мариночка, прости, но я должна бежать. Позже созвонимся. Я сама тебе позвоню. Но чуточку попозже.

Но никогда это самое «попозже» не наступало. И Марине или Саше приходилось самим вылавливать неуловимую Елизафету Федоровну, чтобы просто услышать ее голос. И вот внезапно в один день и как-то очень уж непонятно все изменилось. Саша прекрасно помнил, как это случилось. Но нельзя сказать, чтобы эти воспоминания были ему приятны.

Глава 2

В то утро тетушка позвонила им сама. Ключевое слово тут было САМА! Потому что до этого Елизафета Федоровна на памяти Саши сама им никогда не звонила. Разве что заранее поздравить с праздником, на который она собиралась отбывать куда-нибудь далеко или должна была быть так страшно занята, что боялась не суметь поздравить родню.

Но сейчас никаких праздников на горизонте не наблюдалось. А тетушка позвонила. И самое странное, что голос ее звучал устало и как-то даже уныло.

– Как у меня дела? – вздохнула она в ответ на вопрос племянницы. – Да знаешь, как-то неважнецки у меня дела.

Это признание чуть было не заставило Марину упасть в обморок.

– Тетя! – воскликнула она. – Вы ли это? Что случилось?

И тетушка вторично поразила ее:

– Не могла бы ты ко мне приехать? – тихо попросила она. – И если можешь, прихвати с собой Сашку, пожалуйста. – И помолчав немного, добавила: –?Даже, я тут подумала, обязательно его прихвати. Да, так будет лучше всего.

– Тетя, говори сразу! Ты больна?

– Я здорова. Пока еще здорова и пока еще жива. Но вы все-таки оба поторопитесь. Мне кажется, что это может быть ненадолго.

Нужно ли говорить, что Саша с матерью примчались к Елизафете Федоровне в тот же день. Сразу после ее звонка они не стали даже завтракать, а сели в машину и меньше чем через час были уже дома у старушки.

Елизафета Федоровна встретила их непривычно бледной и неухоженной. Обычно к приходу гостей, да вообще всякий раз перед выходом в люди она накладывала макияж. Да, он никогда не был ярким. Но тем не менее он был, потому что Елизафете Федоровне было не все равно, как она выглядит. А сейчас ей было как будто бы не доэтого.

Встретила она племянницу с сыном необычайно тепло, обняла их и заплакала:

– Милые мои! Если бы вы знали, как я вас люблю!

Это перепугало Сашу с мамой окончательно. Такие сентиментальные чувства были совсем не в характере тетушки.

– Тетя Фета! Что с тобой? Говори немедленно, что случилось?

– Я скоро умру.

– Боже! Вы были у врачей? Что они вам сказали?

– Врачи тут ни при чем. Это все голоса.

– Чьи голоса?

– Их!

И тетя Фета ткнула пальцем куда-то в люстру. Что и говорить, люстра у нее была очень красивая и дорогая. Настоящее муранское стекло. Тетя Фета привезла эту люстру из своего путешествия по Италии. Надо представлять, сколько усилий ей стоило доставить это чудо стеклодувного мастерства через границу. Люстра была большой и хрупкой. Иначе как фантастическим везением прибытие этой люстры в багаже тетушки объяснить было нельзя.

Марина взглянула на люстру с большим почтением. Слава муранских мастеров шагнула далеко за пределы Италии. Но все же раньше слышать о том, чтобы им удалось изготовить люстры с подобным эффектом, не приходилось.

– Но раньше люстра не разговаривала. Давно это у нее началось?

– Марина, при чем тут какая-то люстра!

– Вы указали на нее пальцем. Я думала, может, там что-то вроде встроенного приемника имеется.

– Я показала пальцем просто наверх, – вздохнула Елизафета Федоровна. – Потому что именно там обитают те, кто со мной разговаривает.

– Соседи? Соседи сверху? Они шумят? Разговаривают? Погодите... Но над вами же чердак!

– А выше чердака что?

– Крыша.

– Выше него небо, – снова вздохнула Елизафета Федоровна. – И там обитают мой отец с матерью. Во всяком случае, я очень надеюсь, что они там, а не там.

И она ткнула пальцем теперь уже себе под ноги. Марина хотела спросить, кто там у тети в подвале, но вовремя сообразила, что? имеет в виду тетя, и

прикусила язык.

- Значит, вы слышали голоса дедушки с бабушкой?

- Да.

- Но ведь они оба умерли.

- А я тебе о чем говорю! Мне слышатся голоса тех, кого уже нет с нами. И если бы только это. Я еще и сон видела с ними обоими. Стояли они на фоне какой-то речки, дедушка ведь был заядлый рыбак, вечно с удочками на речке пропадал. А рядом ухоженный домик со ставенками и такими вышитыми белыми занавесочками. Ты же помнишь, какая твоя бабушка была рукодельница и мастерица по части вышивки?

- Помню.

- Вот все и сходится. Они на том свете ни в чем не нуждаются. Отец рыбачит. Мама хлопчет по дому. Каждый занимается тем, что ему нравилось в его земной жизни. И вокруг у них там так светло, так солнечно. Да они и не скрывают, что у них все хорошо. А вот насчет меня у них такой уверенности нет. Как про меня речь зашла, так они оба вдруг такими печальными сделались. И говорят: доченька, тебе к нам еще рано, а только все равно придется. Но ты ничего не бойся, мы тебя ждем.

- Тетя, это же просто сон.

- Нет, не просто сон. Не сон это был, а предупреждение.

- Тетя, да мало ли что снится. Нельзя придавать большое значение снам.

- Но это был особенный сон, - настаивала на своем Елизавета Федоровна. - И ты это не хуже моего понимаешь. Но даже не это главное.

- А что еще?

- Говорю же, голоса! Они все время говорят со мной.

– Бабушка с дедушкой?

– И они, и другие родственники. Мои прадедушки и прабабушки. Дядя Яша, он еще в русско-финскую войну погиб. Совсем мальчик был. Забрали его на фронт сразу после школы. Ну он там и сгинул. Вот он приходил. Потом дядя Миша, тот уже в Великую Отечественную погиб. Львов освобождали, ему снарядом руку и ногу до половины оторвало, так и истек кровью, не успели санитары его подобрать. Похоронен опять же в братской могиле. Еще спасибо, подруга его фронтовая после войны к бабушке приехала и рассказала, как именно ее сын погиб. А то в похоронке только и было сказано, что погиб. А где именно похоронен наш дядя Миша, бабушке так и не удалось узнать. После войны она на Украину ездила, да только никто не смог ей сказать, где ее сын похоронен. Много их там полегло, в братских могилах похоронили, да и на том спасибо. Вон его фотография на стене висит.

С фотографии, которую и Саша, и его мама видели сотни раз, прямо на них смотрел широкоскулый крепкий паренек. Тетя была очень похожа на своего дядю.

– Дядя Миша тоже со мной говорил. Уговаривал присоединиться. Говорил, что у них очень хорошо. Что я не пожалею. И что мне нужно заканчивать свои земные дела.

Марина с Сашей молчали, не в силах словами выразить тех эмоций, которые их охватили. Тетушка Фета, всегда такая здравомыслящая, сейчас несла явную галиматью. Какие-то предки повадились к ней ходить и приглашать на тот свет!

А Елизафета Федоровна, погруженная в свои мысли, не замечала скептического настроения своих родственников и продолжала:

– Но дяде Мише легко говорить, а у меня столько новых проектов, новых планов. Кто их осуществит, если не я. И кроме всего прочего, я сама этого не хочу! Не хочу я умирать!

И тетя Фета сердито взглянула на племянницу, словно это она уговаривала свою тетушку помереть поскорее. Саша с матерью упорно молчали. Они решительно не знали, что сказать тетушке. С одной стороны, ее желание пожить подольше

вполне понятно, особенно если участь, какой активный образ жизни ведет тетя. Но с другой... редко кто, отправляясь на тот свет, выбирает дату и время отправления по собственному усмотрению.

- Каждому свой час предначертан.

- Думаешь, я этого не понимаю? Но мой-то еще не пришел!

- Да?

- Я понимаю, что ты сомневаешься. Я сама засомневалась. А потом поняла: я помру не потому, что сердце прихватит или камень на голову упадет. Не от несчастного случая или острого приступа. Я помру, потому что это кому-то очень надо.

Это было уже что-то новенькое.

И Марина спросила:

- И... и кому надо, чтобы вы умерли?

- Сначала я на тебя подумала, - со свойственной ей прямоотой заявила Елизавета Федоровна своей племяннице. - Ты ведь моя наследница и знаешь об этом. А наследовать, видит бог, у меня есть что. Ты, твой сын и твой муж разбогатеете от моей смерти.

- Но мы ни в чем не нуждаемся, - растерялась Марина. - И у нас есть и квартира, и дача. Ни я, ни муж, мы ни в чем не нуждаемся. Да если бы и нуждались, все равно не стали бы желать вашей смерти. И как вы могли подумать...

- Я ведь никогда не бедствовала, - перебила тетя Фета свою племянницу. - А за последние годы еще больше улучшила свои дела. Так что и деньги на счетах у меня есть, и квартира эта чего-нибудь да стоит. И самое главное, мой бизнес. Его я тоже завещала тебе вместе с домом родителей в Комарово.

Бизнесом тети был ее духовно-просветительский центр «Мансарда», который приносил тете хороший доход.

– Как? И бизнес тоже мне? А я думала, что бизнес вы оставите...

– Ну кому?

– Не знаю. Тому, кто лучше в нем разбирается. Вашей подруге или ее мужу. Они же вам помогают в делах.

– Помогают. И дальше пусть тебе продолжат помогать. Или других помощников можно нанять. Но сам бизнес – тебе и Саше. Надеюсь, что он сможет контролировать документацию. А ты, Марина, будешь контролировать клиентский отдел. Ты контактная, коммуникабельная, у тебя хорошо получится работать с людьми. А Саша у нас мозг. Ему и документы в руки.

И, помолчав, Елизафета Федоровна вздохнула:

– Не думала, что придется так скоро заводить с тобой разговор об этом. Думала, что лет десять я еще сама управляюсь. А там планировала потихоньку тебя и Сашу ввести в курс дела. Обидно же, хороший бизнес, доход прекрасный, чего бросать? Ты как, согласна?

– Я даже не знаю. Вы сказали, что вы подозреваете меня. Но в чем?

– Нет, это я сначала так на тебя подумала. А потом поняла, что ты не можешь так поступить. Напрасно тот полицейский на тебя подумал. Ты у меня не такая девочка. И Сашка не мог. А в Леве я вообще уверена, как в самой себе. Он скорее свое отдаст, чем на чужое посягнет. Хороший тебе мужик достался, Марина. Ты цени его.

– Я и ценю. Но кто вам сказал, что я желаю вашей смерти? И почему?

– Так ведь это была твоя машина. Там на перекрестке.

– Стоп! При чем тут мой «Рено»?

– Та машина, которая пыталась меня задавить, принадлежала тебе.

Тут уж и Саша оторопел. А на его маму вообще жалко было смотреть. Марина напоминала выброшенную на сушу рыбу, так же пучила глаза и глотала ртом воздух.

– Моя машина? – выговорила она наконец. – Вас пыталась задавить моя машина? Или просто похожая? Потому что учтите, таких машин сотни, если не тысячи. «Рено Логан» – это очень распространенная модель.

– Номер на машине тоже был твой. И цветок на лобовом стекле. Это же я его тебе подарила. Они продаются у меня в центре.

Жутковатое изделие даже трудно было назвать цветком. Это было что-то вроде широко открытого рта, обрамленного многочисленными цепкими жгутиками, покрытыми на вид чем-то клейким. Цветок был похож на росянку. И, по уверению тетушки, умел ловить неприятности прямо на ходу. Так что получалось, что неприятности сами прилипали к кончикам его жгутиков, а затем отправлялись прямым ходом в пасть цветочку и уже там спокойно переваривались, не причиняя никакого вреда владельцу чудо-цветочка.

Кто мог верить в такую ересь, Саша не понимал. Но дар убеждения тетушки был таков, что каждую новую партию цветочков мигом расхватывали. И даже мама вопреки убеждениям, что от неприятностей может уберечь лишь чистая совесть, позволила себя уговорить и повесила зеленого страшила себе в машину. Да еще и сказала, что с тех пор ей стало значительно спокойней. Еще бы не спокойней. Пока мама этого не сделала, тетушка никак не хотела от нее отвязаться.

И вот теперь та же тетушка опознала мамину машину именно по этой занятой штучке. Если бы еще только наехавшая на тетушку машина была просто похожа на мамину! Нет, в сочетании с чудо-цветком и регистрационными номерами она становилась точно маминной.

– Но я не понимаю, как такое могло быть.

– Я хочу, чтобы ты знала, дорогая! Я ни одной минуты, слышишь, ни одной, не думала на тебя! Кто-то мог взять твою машину без спросу, чтобы совершить наезд на меня и подставить при этом тебя.

– Нет, ну как это взять? – окончательно растерялась Марина. – Угнать, вы хотите сказать?

– Это возможно?

– Я не знаю. Когда случился наезд?

– Пару месяцев назад. В апреле.

– Так давно! И вы молчали!

– Да, это случилось двенадцатого апреля – в День космонавтики. Я еще помню, вышла из дома в чудесном настроении. Я ведь в шестьдесят первом была уже девушкой, что называется, на выданье. И все мы с девчонками были дружно влюблены в самого лучшего и замечательного парня на свете – Юрку Гагарина. Но он того стоил. Более обаятельного человека мне видеть не приходилось. Он прямо идеально подходил на роль первого человека в космосе.

– Тетя, вернемся к нашим баранам.

– Ах, в этот день меня всегда охватывают такие чудесные воспоминания. Боюсь, я немножко задумалась. И вдруг – бац! Я чувствую, что лечу на асфальт. И уже там, сидя попой в луже, я понимаю, что чья-то рука по-прежнему держит меня за шкуру. И какой-то мужик орет у меня прямо над ухом. И твоя машина, которая стоит передо мной. И... и ты за рулем!

– Я?!

– Ну то есть мне показалось, что это была ты.

– А что кричал тот мужчина, который вас спас?

– По большей части он нецензурно ругался.

– На вас?

– Нет. Чего ему на меня ругаться? Наоборот, меня он всячески опекал. Потом и до полицейского отделения лично доставил. И проследил, чтобы они от меня заявление по всей форме приняли. А там на перекрестке он орал на водителя той машины, которая меня едва не задавила. На тебя, Марина. Ну верней, на ту женщину, которая была похожа на тебя.

Саша решил вмешаться:

– Можно еще раз уточнить, за рулем вы увидели маму или просто похожую на нее женщину?

– Ну... Там была женщина с такой же прической, как у Марины. И одета она была также... Марина, ну, кончай дуться. В конце концов это меня хотели убить, а я и то не дуюсь. Лучше скажи, ты помнишь ту свою красную куртку, которую я тебе подарила? Помнишь? Так вот, мне показалось, что женщина за рулем в ней и была.

– Могу вас разочаровать, тетя. Ту куртку я никогда не носила.

– Нет? А почему?

– С ростом вы не угадали. Она мне велика. Как я повесила ваш подарок в шкаф, так она и висит у меня в шкафу. Я даже ярлычок с нее не срезала. И ценник не сняла.

– Маринка, ну не обижайся ты на меня, – взмолилась Елизафета Федоровна. – Пойми, я и сама в полнейших непонятках. Я же понимаю, что ты не могла пытаться меня убить. Уж если бы ты взялась прихлопнуть свою старую тетку, сделала бы это чисто и с первого раза! А не то что эта недотепа, то с одного конца зайдет, то с другого, а результата все нет.

– То есть были и другие случаи?

– А то! – задорно ответила тетя Фета. – Было еще два случая. Первый я вам описала. Там меня из-под колес вытащил случайный прохожий. Теперь случай номер два, когда меня пытались задушить. Пожалуй, это было еще менее приятно. В первом случае я отделалась легким испугом. А тут мне повредили

шейные позвонки. Что-то в шее хрустнуло, и мне неделю пришлось ходить в бандаже.

– Как это случилось?

– Рассказываю. Это было первого мая.

– То есть почти через три недели после первого покушения?

Елизафета Федоровна кивнула головой и продолжала:

– Я возвращалась с праздничного концерта. После концерта мы с приятельницами заглянули в ресторан, чтобы немножко перекусить и поболтать. И так как не виделись с ними мы уже давно, то у нас было о чем поговорить. Мы засиделись до закрытия ресторана. Потом еще долго прощались на улице. И когда я приехала к дому, то час был уже весьма поздний. Я расплатилась с таксистом, он уехал, а я вошла в подъезд. И вот тут на меня напали.

– Кто? Вы видели лицо напавшего?

– Откуда? Он напал на меня со спины. Просто схватил меня за шею и принялся душить. Тогда я пнула его локтем, потом лягнула одной ногой, потом другой. Надо сказать, что туфли на мне в тот вечер были на высоком каблуке. И этот каблук угодил злодею... куда-то. Он охнул, а потом выпустил меня и убежал. А я почти без сознания рухнула на ступеньки лестницы. Нашел меня таксист. Он же вызвал врачей.

– Какой таксист? Он же уехал.

– Уехал, а потом вернулся, потому что обнаружил, что я вместе с тысячной бумажкой сунула ему еще и пять тысяч. Одна купюра была завернута в другую. И я даже не вспомнила, когда расплачивалась, что там не одна, а две бумажки.

– Какой честный таксист.

– Он верующий. По выходным дням служит в монастыре тут неподалеку, в Ленинском. Так вот таксист приехал спросить, может ли обратить эти пять тысяч

на дела милосердия и милостыню. Обещал, что благодетельствованные этими деньгами люди будут молиться за меня.

- И вы разрешили?

- Я только что чуть было не рассталась с жизнью. Конечно, мне в тот момент показалось, что чьи-то молитвы очень бы мнегодились. Я не только позволила ему взять эти деньги, но на следующий день дала еще.

- Вы и на следующий день с этим таксистом виделись?

- Он пришел ко мне в больницу, чтобы уточнить, не нужна ли мне помощь.

- Так он что-то или кого-то видел?

- К сожалению, нет. Никого он не видел, кроме какого-то мужчины, убегавшего прочь от дома в компании с невысокой женщиной, по приметам один в один похожей на тебя, Марина.

Саша с сочувствием взглянул на свою маму. Та была бледна. И ее руки то и дело нервно сжимались и разжимались.

- Тетя... я...

- Ничего, Мариночка, - необычайно тихо и ласково отозвалась тетя Фета. - Мы с тобой это преодолеем.

И она взяла племянницу за руку.

- Я должна была рассказать тебе все это еще раньше. После того первого случая.

- Почему же не сказали?

- Боялась.

– Чего? Что это может оказаться правдой?

– Мне было стыдно. Получалось, что я тебя в чем-то обвиняю. А ведь я никогда-никогда не верила в то, что это можешь быть ты. Для меня с самого начала было ясно, что это чья-то злая шутка. Кто-то хочет поссорить нас.

Саша незаметно наступил маме на ногу. Мол, что ты кривляешься? Тетка не в себе от происходящего вокруг нее. Нашла время обижаться. И на что? Тетю хотят убить. А если преступник переодевается в племянницу своей жертвы, то ему же хуже. У негодя еще мог быть шанс уйти от ответственности за содеянное, если бы он не вздумал впутывать сюда Марину. Но если уж задета честь его матери, тут Саша поклялся, что костями ляжет, но докажет всему свету, что его мама самая лучшая и никакая она не преступница!

– А в третий раз что с вами случилось? И когда?

И тетя бодро отрапортовала:

– Вчера! Меня собирались утопить.

Саша с мамой ахнули. И Елизафета Федоровна, которая за время разговора уже повеселела, зарумянилась и отчасти стала похожа не себя прежнюю, продолжила:

– Вы же знаете, что хотя бы три-четыре раза в неделю я плаваю.

Саша с мамой кивнули. Да, все знакомые Елизафеты Федоровны были в курсе ее образа жизни. И ее купание в любое время года ни для кого не являлось секретом. Когда залив освобождался от ледяного плена, Елизафета плескалась в нем. Но зимой каждый раз долбить ледяную корку было слишком утомительно даже для нее. Поэтому зимой Елизафета Федоровна купалась в городском пруду, распугивая оставшихся там на зимовку уток.

Но уже наступило лето, и в заливе у тетушки Феты имелся свой любимый пляж. Мелкий желтый песочек тут перемежался камнями. Вот с этих огромных валунов Елизафета Федоровна обычно и ныряла.

– Этот человек все рассчитал. Он спрятался среди камней и, когда я нырнула, подплыл ближе. Но меня так просто не возьмешь. Стоило мне оказаться в воде, я сразу поняла, что рядом есть кто-то еще. И мне стало страшно. Я как-то разом вспомнила и неудачный наезд, и то, как меня душили в подъезде. И шестым чувством поняла: сейчас меня будут снова убивать. Разумеется, мне этого не хотелось. Совсем не хотелось.

И Елизафета Федоровна поплыла от своего врага.

– Я неслась по воде так, как никогда в жизни не плавала. Наверное, я поставила мировой рекорд. Свой собственный я точно поставила. Добралась до мелководья, выскочила на мелководье и бегу. Оглядываюсь назад, а там уже никого. Смотрю вперед, где оставила свои вещи, а там стоит какая-то женщина. И снова, клянусь тебе, Марина, она показалась мне похожей на тебя. Стоит, значит, потом наклоняется, подбирает мои вещи и уходит.

– И что?

– И мне пришлось добираться до дома в одном купальнике. Наверное, люди, которых я встречала по пути, думали, что я рехнулась. Погода-то вчера была совсем не летняя. Ветер дул просто ледяной. А я в мокром купальнике. И волосы тоже мокрые. И босиком по лужам, то еще удовольствие. Я даже слегка простудилась, пока добралась до дома. В горле запершило. И я чихала.

Для Елизафеты Федоровны, которая никогда и ничем не болела, першение в горле и чих – это было чем-то сродни катастрофе.

– А как вы попали к себе домой? Ключей ведь у вас не было? Или преступник оставил их на песке?

– За ключами я по пути зашла к Ларе с Глебом. У них есть запасной комплект от моей квартиры.

– И как вы им объяснили свое появление в одном купальнике?

– Сказала, что пока я плавала, кто-то украл мои вещи. Они разохались. Особенно Лара, она такая нервная. Я даже хотела прописать ей сеанс расслабляющих

процедур, но она наотрез отказалась пользоваться служебной скидкой, а без скидки ей наши цены не потянуть.

– А почему отказалась?

– Очень принципиальная, – вздохнула Елизафета Федоровна. – Лара всегда такой была. А с тех пор как наш центр начал приносить реальный доход, ее принципиальность и вовсе стала напоминать фанатичность. Она не желает принимать от меня ничего, кроме заработной платы.

– Ваша подруга работает на вас.

– Лара всю свою жизнь проработала бухгалтером. Она окончила экономический факультет университета еще в те годы, когда бухгалтер – это было что-то скучное и низкооплачиваемое. С началом рыночной экономики ситуация изменилась, и Лара быстро нашла себя. Работала то в одном малом предприятии, то в другом, то в третьем. Без работы ни дня не сидела. Иногда даже совмещала. Оно и понятно, работать ей приходилось за двоих. Глеба как в восемьдесят девятом сократили, так с тех пор он и не нашел себе другого места. Сначала работы не было. А когда все стабилизировалось, Глеб уже потерял квалификацию. Да и возраст... Нелегко ведь начинать на новом месте, когда тебе уже за пятьдесят.

– Он же химик?

– У него степень по молекулярной биологии.

– А чем занимается Глеб у вас?

– Да так... всем понемногу. Разрабатывает новые препараты. Он обязательный и исполнительный. И еще он мой друг. Без него просто никак. Не знаю, как бы я пережила эти дни, если бы не их с Ларой поддержка.

И Елизафета Федоровна рассмеялась, словно последняя фраза и вообще все, что с ней произошло, было удачной шуткой. Но Саша отнюдь не был склонен считать случившееся шуткой. Если даже это и была шутка, то она очень дурно пахивала.

Глава 3

Оставив женщин одних, Саша прогулялся на пляж, где вчера на Елизавету Федоровну было совершено очередное покушение. Он как-то не верил, что преступник не оставил никаких следов. Наверняка если посмотреть хорошенько, то что-нибудь да найдется. Выйдя на улицу, Саша открыл дверь машины и свистнул Барону:

– Выходи!

По команде пес выскочил наружу и радостно закрутился возле ног хозяина.

Это ты! Это и правда ты! Ты пришел! Уря-а-а!

Вот что было написано на счастливой собачьей морде. Попрыгав и поприветствовав хозяина, Барон устремился навстречу волне запахов, которую принес ему порыв ветра. Пес забегал вокруг, деловито покручивая кончиком хвоста. Далеко от Саши он не отходил. И по первому требованию по команде «рядом» пристраивался у левой ноги хозяина.

– Идем на пляж.

Барон не возражал. Ему было все равно, куда идти, лишь бы вместе со своим хозяином. От дома тетушки Феты до залива было пятнадцать минут ходьбы. Если идти быстро, можно было уложиться и в более короткий срок. Но Саша не спешил. Он шел, внимательно поглядывая по сторонам. Значит, вчера тетушка рассекала тут в одном купальнике. Наверное, это и впрямь было сильное зрелище. Дама преклонных лет и в одном купальнике.

– Как ее только не задержали.

Несмотря на то что город был курортным, он еще был и очень культурным. Такого безобразия, чтобы полуголые курортники в одних шортах и с оголенными торсами разгуливали бы по его улицам, город не допускал. Саша прошел мимо витрин магазинов, затем справа от него остался храм Казанской иконы Божией

Матери, и вот уже впереди виднеется прибрежный парк. У его ворот Саша свернул, прошел еще некоторое время вдоль трассы, снова свернул и вышел к заливу.

Вот оно, заветное тетушкино место. Тут она всегда и купалась. Возле тех камней, стоящих наподобие зуба дракона, на дне залива имелось углубление, позволяющее поплавать сравнительно близко от берега. Вообще говоря, Финский залив довольно мелкий. Крупным судам необходим специальный фарватер, чтобы не сесть на мель. А уж у берега море тут едва доходит до колена. И тянется такая отмель очень далеко. Совсем маленьких малышей – и тех родители спокойно отпускают поплескаться на мелководье и поиграть с мелкой финской волной. Знаю, что утонуть в этой водичке не сможет и щенок.

Интересно, на что рассчитывал преступник? Разве что он надеялся, что тетушка от испуга и неожиданности нахлебается воды, а он справится с ней и выставит ее смерть как несчастный случай. Но все равно трудно себе представить, чтобы опытная пловчиха пошла бы ко дну всего в считанных десятках метров от берега, пусть даже нырнула она и на глубину.

Саша не поленился, разделся и вплавь добрался до камней. Барон преданно его сопровождал, хотя Саша бы предпочел, чтобы пес остался на берегу сторожить вещи. Но, с другой стороны, надо же и собаке получить свою толику счастья. На самих камнях Саше ничего обнаружить не удалось. Да это и неудивительно, ведь преступник поджидал тетушку Фету под водой.

– В акваланге он, что ли, был?

Но тетушка про акваланг ничего не упоминала. Она лишь сказала, что разглядеть лица преступника не сумела. Вроде бы он был в маске.

– Если он боролся с тетушкой, а она от него вырвалась и уплыла, как он сумел оказаться на берегу раньше тети Феты?

Потому что Елизафета Федоровна имела КМС по плаванию на спине. И при желании могла задать такой темп, что легко обходила даже молодых мужчин. Догнать ее у преступника вряд ли бы получилось. И к тому же тетя говорила, что женщина на берегу, похожая на племянницу и укрававшая одежду Елизафеты Федоровны, была одета.

– Не в одежде же она плавала. Значит, преступник не один, их как минимум двое. Один пытался утопить тетю Фету в воде, а вторая поджидала ее на песке.

И от этой мысли Саше стало сильно не по себе. И он поспешил к берегу, чтобы на пляже попытаться найти следы тех двоих, которые вчера разыграли для тетушки это нехорошее представление. Барон первым выбежал на берег, отряхнулся и тут же плюхнулся на теплый песок, сушиться. Собака крутилась и извивалась всем телом, даже постанывая от наслаждения. А потом, резко вскочив на ноги, пес забегал вдоль берега. Тут было столько всего, что необходимо понюхать!

Саша тоже побрел вдоль берега. Где же тетушка оставила свою одежду? Глупая затея – идти одному. Надо было брать с собой Елизафету Федоровну. А так пляж слишком велик. Если прочесывать его весь, уйдет слишком много времени и сил. И еще неизвестно, что именно нужно искать. Походишь, силы растратишь, а найдешь ли что-нибудь путное или нет, не факт.

Внезапно Саша заметил рядом с собой Барона. Собака стояла и не бегала, что с Бароном случалось крайне редко. Вместо этого он преданно смотрел на хозяина, держа что-то во рту.

– Что это у тебя? Что ты нашел? Ну, подай!

Барон послушно разжал челюсти, и Саше на ладонь выпала маленькая блестящая штучка. Саша поднес ее поближе к глазам, чтобы рассмотреть хорошенько. И сердце у него замерло. Это была сережка. Золотой цветочек, в середине красный камешек. Точно такие же сережки носила его мама. Сережки достались ей от мамы, Сашиной бабушки. И бабушка всегда утверждала, что красный камень – это рубин. И мама своими серьгами очень гордилась ровно до тех пор, пока один знакомый ювелир не объяснил ей, что красные камни у нее в серьгах – это синтетика.

– В позднем Советском Союзе в ювелирных изделиях использовали полудрагоценные камни, такие как янтарь, малахит, яшма, или уже брильянты, недостатка в которых в стране не ощущалось. Изредка встречались натуральные изумруды с Урала и александриты. А вот крупных месторождений сапфиров или рубинов, способных удовлетворить промышленный спрос, в стране не было зафиксировано. Закупать же драгоценные камни на валюту правительство

считало излишеством. Поэтому для советских женщин камни выращивали в лабораториях. Процесс длительный, занимавший до года времени. Но зато и камни у наших мастеров получались изумительной красоты. Ваши рубины синтетические. И, конечно, природные камни такой величины, чистоты и окраски, как у вас, стоили бы целое состояние.

Вернувшись к своим, Саша первым делом посмотрел на мамины уши. Сережки были на месте. Те самые, с цветочком и красным камешком. Один в один с той сережкой, которую нашел Саша на берегу. Конечно, это еще ровным счетом ни о чем не говорило. И даже напротив, обеляло маму, поскольку ее-то сережки обе были на месте. Но все же на душе у Саши стало еще более тревожно. Что это за женщина такая, которая так старательно подделывается под его маму, что даже такие же точно сережки приобрела, что и у нее?

Насчет того, где преступница могла раздобыть сережки, как у его мамы, Саша не волновался. Сейчас полно ломбардов и ювелирных комиссионных, которые по сходным ценам предлагают купить изделия советского ювелирторга. Многие владельцы стремятся избавиться от вещей, которые считают дешевкой, не понимая, что любая дешевка, полежав в шкатулке, через сто лет автоматически превратится в антикварную вещь, стоимость которой многократно увеличится. Но если хранить бабушкин проигрыватель или дедушкин велосипед несколько затратно, то ювелирка много места не займет.

На всякий случай Саша спросил:

– Мама, а такие сережки, какие подарила тебе твоя бабушка, они были всего одни?

– Насколько я помню, да.

Но тут неожиданно в разговор вмешалась Елизавета Федоровна.

– Ошибаешься. Таких сережек моя мама купила две пары, – заявила она. – И подарила их на восемнадцать лет двум своим дочерям – мне и моей родной сестре Гале. Твоей, Саша, родной бабушке.

– Серьги моей бабушки носит моя мама. А ваши где?

– Я свои потеряла. Верней, потеряла я сначала одну сережку. Но не будешь ведь носить одну серьгу? Так что вторую я кинула где-то дома.

– Где?

– Ах, да не помню я. Это же сколько лет тому назад было!

Так Саша и не уяснил для себя, что за сережку нашел Барон на пляже. То ли имела она отношение к тете Фете, то ли просто похожая оказалась. Но совпадение было налицо, верней, на ухо.

И пока Саша размышлял о размножившихся и потерявшихся серьгах, Елизавета Федоровна тоже задала ему свой вопрос:

– Ну как, Саша? Останешься жить у меня?

Саша удивленно посмотрел на нее, потом на свою маму. Та удивленной ничуть не выглядела, из чего Саша сделал вывод, что они с тетушкой всё уже обсудили и решили, пока он ходил на залив.

– Если надо, то поживу, – солидно произнес он.

Тетушка с мамой просияли.

Особенно обрадовалась тетушка Фета.

– Отлично! Так я и знала, что не бросите старуху на погибель. На тебя, Сашенька, особая надежда.

– А чего я-то?

– Не скромничай. Все знают, что ты уже не одно преступление раскрыл и многих преступников на чистую воду вывел.

– Тут особой моей заслуги нету. Само как-то все получилось.

– Вот пусть и у меня получится.

А мама еще и спросила:

– У тебя, сынок, уже есть какие-нибудь догадки?

Саша уселся поудобнее на стуле, могли бы и кресло сыщику предложить. Раз он им так нужен, можно и поважничать немножко. Когда еще приведется случай. Потом он налил себе чаю, совсем распустились бабы, никто даже чаю не предложит и вазочку с печеньками не придвинет. Впрочем, от тетушкиных галет с отрубями лучше и самому держаться подальше. А иначе все зубы об них обломаешь. Вот Барон, тот грызет их с удовольствием.

– Так что? – поторопила его тетушка в явном нетерпении. – Ты слышал? Есть у тебя идеи?

– Для полноценного расследования сведений слишком мало, – важно произнес Саша, решив с первых же минут не давать спуску родственницам. – Я не фокусник, чтобы версии из воздуха строить.

– Но что-то ты уже понимаешь?

– Понимаю, что преступник хорошо осведомлен о вас и о членах вашей семьи. Скорей всего, он близок к вам. Это может быть сосед, другой случайный человек, но достаточно часто общающийся с вами. Кто-то из ваших сотрудников или знакомых, кто захотел по той или иной причине причинить вам вред.

Марина не упустила случая напомнить:

– И не просто причинить вред, но еще и подставить при этом меня!

– Видимо, этот человек хочет вбить клин между тобой и тетушкой. Хочет поссорить вас. Хочет, чтобы Елизафета Федоровна начала бы подозревать тебя в чем-то чудовищном, лишила бы тебя своего доверия, разлюбила и сделала бы своим наследником кого-то другого. Но кого?

И Саша посмотрел на тетушку Фету.

- Есть у вас еще кто-то в качестве альтернативы? Если не мама, то кто мог бы стать вашим наследником?

- Ты.

- А еще?

Тетушка глубоко задумалась.

- Не знаю, - произнесла она затем с сомнением. - Была у меня мысль... Но не уверена, можно ли считать этого человека достойным наследником. Просто не знаю.

- Про кого это вы? - удивилась Марина.

- Про Колю.

И тетушка Фета взглянула на свою племянницу.

- А-а-а-а... Я и забыла совсем о нем.

Для Саши это прозвучало так, словно бы мама отлично знала, о ком идет речь. И понимала, ЧТО это за человек.

- Минуточку, - заволновался он. - Что за Коля такой? Я его знаю?

Мама с тетушкой медленно покачали головами.

- Вряд ли ты его помнишь.

- А кто он?

- Расскажи ему, - попросила Елизафета Федоровна свою племянницу. - Тебя это в большей степени касается.

Саша взглянул на маму. Что еще за тайны мадридского двора?

- У моей мамы - твоей бабушки Гали - в ее семейной жизни было два брака, - принялась послушно рассказывать мама. - В первом замужестве у нее собственных детей не появилось.

- Зато у ее супруга уже имелся готовый ребенок.

- Мальчик.

- Коля!

- Ребенок в раннем возрасте остался без матери. И его отец, желая вырастить сына в полной семье, женился на молодой женщине - твоей бабушке.

- Ага, - кивнул головой Саша. - Понятно. Значит, Коля - это пасынок моей бабушки?

- Да, но официально усыновленный ею. Попрошу отметить особо этот факт как немаловажный для всей нашей истории.

- Хорошо. Отметил. Что дальше? Куда делся этот Коля? Он же приходится мне дядей, а моей маме - старшим братом? Я прав?

- Ты прав, - вздохнула мама. - Хотя подальше бы держаться от такого братика.

- А что с ним было не так?

- Все! - заявила мама, и Елизавета Федоровна кивнула головой в знак подтверждения. - Бабушка говорила, что не знала с этим гаденышем ни одной спокойной минуты. Она двадцать раз пожалела, что согласилась на эту сделку.

- Сделку? Это вы о бабушкином замужестве?

- Муж-то был намного ее старше. Под шестьдесят ему уже было. И здоровье слабое. Он и на бабушке женился потому, что рассчитывал: умрет он, будет кому

за мальчиком присмотреть.

- А другой родни, кроме мачехи, на этот случай не нашлось?

- Видимо, нет. А может, все они знали, что за сокровище этот Коля. И ни за какие деньги старого академика с пацаном не хотели связываться.

- Так первым мужем бабушки был известный человек? Академик?

- Только женился он на твоей бабушке с одной целью.

- Раздобыть няньку своему Коленьке!

- Его одного он обожал.

- Его одного баловал.

- Бабушке только упреки да оплеухи доставались, почему она за Коленькой плохо смотрит.

- Зачем же бабушка такое отношение к себе терпела?

- Кто знает? Частично, я думаю, из-за денег. Академик-то богат был. И бабушку содержал. А бабушка в те годы сама ничего собой не представляла. К тому же вместе они прожили не так уж долго, что-то около пяти лет. А потом академик умер.

- И наследство досталось одной бабушке?

- Академик завещал все своему сыну. Бабушка являлась опекуном несовершеннолетнего.

Саша покумекал. Бабушка была замужем первым браком за каким-то академиком, о котором Саша слышал впервые. Ну ладно, допустим, академик умер, и о нем не вспоминали. Но мальчик Коля? Он ведь остался жив? Или нет?

- Ну а куда Коля потом-то делся? Умер?

- Нет, не умер. Хотя я иногда думаю, что лучше бы уж он умер. Позору было бы меньше.

- А что тогда с ним случилось?

- Ох, неудачный сын оказался у академика. Ему еще четырнадцати не было, когда он первый раз в колонию угодил.

- За что?

Саша и впрямь был удивлен. Ребенок из благополучной семьи, в котором отец души не чаял, и вдруг колония?

- За воровство сел.

Удивление Саши достигло предела. Ребенок, который ни в чем не мог нуждаться, упакованный и обласканный, получивший от богатого отца нехилое наследство, и вдруг воровство?

- Зачем же он воровал? Отец стеснял его в средствах?

Ответила ему Елизафета Федоровна:

- Отец его к тому времени уже давно умер. Ничем своему сыну помочь не мог. А твоя бабушка снова вышла замуж. У нее родилась Марина. Мне трудно судить, но я думаю, твоя бабушка стала уделять Коле меньше времени, чем он того требовал. Знаешь, бывают такие дети, которые нуждаются в постоянном присмотре и особом внимании. Вот Коля был из разряда таких детей. К тому же я всегда говорила, что Галя чрезмерно балует мальчишку. С ними так нельзя. Это не девочки, которых, как ни балуй, все равно не испортишь. С мальчиками нужна строгость. Иногда и ремня стоило дать. Особенно когда он в первый раз стянул в магазине игрушку. Я еще тогда сказала, надо его выдрать как сидорову козу, чтобы и думать забыл о том, чтобы брать чужое без спросу.

- А что бабушка?

– Это еще при академике было. Он в ужас от моего предложения пришел. Бить ребенка? Как можно! Вопил так, что даже мне по телефону слышно было. Запретил мне у них появляться. Выставил меня каким-то чудовищем. А получилось все наоборот. Чудовищем-то его сыночек разлюбезный вырос. В тот самый первый раз по рукам не получил, и началось. Если ему что не покупают, он сам берет. Пока академик жив был, он все ему покупал. Галя тоже старалась не обострять. Но потом перестройка, оставленные академиком деньги стали просто бумажками, Галя уже все требования своего пасынка исполнять не могла. А у подростка, известное дело, его собственное «хочу» всегда на первом плане. Ну и попался. Один раз простили, отпустили. Второй раз пожурили. А в третий в милиции тогдашней на него дело завели. Уж Галя бегала и просила, и унижалась, и клянчила, нет, ничего не помогло. Посадили его. В тот раз ненадолго. Думали, исправится паренек. Полгода всего дали. Два месяца в колонии провел, домой вернулся.

– Не помогло?

– Какое там. Злым пришел. Пить начал. Мыслей дурацких набрался и Гале претензии предъявлять начал. Мол, ты меня ограбила. В моей квартире живешь. Проваливай, откуда явилась. Сестренку обижать начал. Ну отчим его отчитал один раз, второй, третий, потом до ссоры у них дошло, врукопашной сошлись. Коля пьяный и не по годам сильный был, отчима на лестницу выставил. И Галю с Мариной туда же выгонять начал, да только тут соседи вмешались. Коля и на них с кулаками попер. Когда пьяный, совсем дурак. Соседку толкнул, она по ступеням вниз полетела, сотрясение мозга, открытый перелом руки. Колю опять в кутузку, нанесение телесных повреждений, драка. Свидетелей полно нашлось. На этот раз ему год дали. Отсидел полгода, снова назад вернулся. Еще больше злой стал. Галя его в училище пристроила с огромным трудом, никуда такого трудного парня брать не хотели. А он вместо благодарности Галю снова упреками осыпал. Я – сын академика и на газосварщика учиться должен? Ты мне репетиторов найми. Я в институт хочу. А у самого колы да двойки в аттестате, если по справедливости. Знаний – ноль. Тройки ему учителя из жалости к Гале натянули, и еще потому, что не хотели держать у себя в школе дальше такого персонажа.

– Получил он специальность?

– Нет. Пил здорово. И где только деньги брал? А потом ограбление у них в училище случилось. Инструментальный цех обнесли. Дорогие инструменты, станки да оборудование исчезло. Милиция сразу к Коле, он же судимый. Пришли с обыском. Нашли какие-то инструменты с инвентарными табличками училища. Ну Колю теперь уже за кражу со взломом. Три года с возмещением ущерба. Галя на две работы устроилась, ущерб возместила, Колю по УДО отпустили. Но теперь к Коле дружки его таскаться стали. Уголовники. Страшные. А Маринка подрастает, вдруг чего с девочкой сделают? И решила Галя на размен квартиры академика пойти. Коля против был, свое твердит, моя это квартира, и точка. Только суд иначе на это дело посмотрел. Коле четвертую часть присудили. А три четверти Гале с мужем и дочкой. Коля в однушку переехал, Галя в трешку. Так и зажили отдельно друг от друга. Как разменялись, Коля с тех пор как в воду канул. Ничего мы про него не слышали.

Саша молчал. Присутствие в его жизни дяди, пусть и не совсем родного, ошеломило его.

– И учти, что по всем документам Коля до сих пор сыном Гали числится, усыновила-то она его официально и законным порядком. А стало быть, по закону Коля моим племянником является и наследником наравне с Мариной.

Саша глубоко задумался. М-да... История. Послушать тетушку, так Коля этот чернее грязи. Бедная бабушка Галя натерпелась с таким пасынком по полной программе. Но понятно, что сестра сестру выгораживает. А если взглянуть на дело со стороны, что получается? А получается, что некая молодая особа окрутила пожилого богатого вдовца с ребенком на руках. Вышла за него замуж. А после смерти мужа обобрала своего пасынка до нитки. И денег отцовских мальчишка не увидел, и квартиры шикарной четырехкомнатной лишился.

Не исключено, что сам Коля мог таким поворотом судьбы остаться недоволен.

– Не думай, что я не понимаю, как это все может выглядеть со стороны, – внезапно заговорила Елизафета Федоровна. – Но ты же помнишь свою бабушку Галю, да?

– Помню.

– Моя сестра всегда была исключительно порядочным человеком. И Колю она любила. Она и замуж-то за академика пошла, потому что мальчишечку его пожалела. И баловала она его. И... и избаловала. А Коля настоящей тварью вырос, я тебе это точно говорю. Бывают такие люди, которые уверены, что все вокруг им должны. Вот Коля из их породы. Он считает, что мир обязан крутиться вокруг его персоны. И все должны плясать под его дудку. Если же этого не происходит, то он свирепеет. И в гневе он бывает страшен. И еще эта водка... Как выпьет, то совсем крышу у него сносит.

– Подозреваете, что это Коля мог подстроить несчастные случаи с вами?

И Елизафета Федоровна ответила просто:

– А больше просто некому.

Сказала и поставила жирную точку. Обсуждать дальше было нечего. Надо было искать сына академика. Искать, разговаривать с ним, убеждать, а то и наказывать. Но это уж как получится, а для начала нужно было этого Колю вообще-то найти.

Глава 4

Начать поиски пропавшего родственника было решено немедленно.

– И искать нужно двоих. Потому что на пляже были двое. Один топил тетушку, вторая мелькала на берегу.

– И во время наезда их было двое! – припомнила тетушка. – Одна, замаскировавшаяся под Марину, сидела за рулем машины, а еще кто-то по голове меня ударил и в спину толкнул. Поэтому-то я и вылетела на проезжую часть. Растерялась, конечно. И от удара, и просто. Только что на тротуаре стояла, а где сейчас, и не пойму. Головой по сторонам верчу, а машина-то приближается. Тот мужчина в последнюю секунду меня из-под колес вытащил. Грубовато действовал, зато результативно.

– И когда вас пытались задушить, вернувшийся таксист видел две убегающие фигуры.

– Еще неизвестно, не вернись таксист, не захотели ли бы эти двое вернуться и закончить начатое.

Все эти случаи однозначно говорили о том, что с поисками Коли следовало поспешить. Нельзя было допустить, чтобы Коля или кто бы там ни был со своей сообщницей повторили бы нападение. Ведь уже следующее могло оказаться не в пример более удачным, чем первые.

Как легче и проще найти человека в наше время? Ответ один, и он очень прост. Искать нужно через социальные сети.

– Сомневаюсь, чтобы у уголовника была бы собственная страничка в соцсети, – заявила Елизавета Федоровна с присущим всякому далекому от мира криминала человеку высокомерием.

– И напрасно! Как раз таких элементов в Сети полным-полно.

– Даже у тех, кто сейчас находится за решеткой?

– Те как раз особенно активные пользователи и есть.

– Невероятно.

– Почему? Времени у них много, дел никаких. Вот и сидят целыми днями, были бы деньги, чтобы интернет-трафик оплачивать. Но и это не проблема при наличии щедрых на благотворительность родственников или любящих женщин. Многие заключенные даже умудряются крутить виртуальные романы, сидя за решеткой. А некоторые так еще в колонии находят даже себе постоянных подруг, на которых потом женятся.

– Да ну! – удивилась тетушка. – И как же эти бедные женщины потом живут с уголовниками?

– Как уж складывается их дальнейшая жизнь, не знаю. Но факты такие есть.

– Вряд ли они живут счастливо, – задумчиво произнесла тетушка. – И даже не в том дело, что страшно жить, когда рядом с тобой вор или убийца. Человек мог и раскаяться или вообще по недоразумению попасть за решетку. Но потом-то на нем уже клеймо. Куда ни сунься, везде от ворот поворот. На работу ему не устроиться. А нету приличной работы, нету и денег. А если мужчина в семье не добытчик, то и женщина поневоле начинает нервничать. Отсюда частые скандалы, ссоры. А где ссоры, там и до нового уголовного преступления недалеко. Нет, лично я никогда бы не пошла замуж за того, кому довелось побывать за решеткой!

Саша слушал разглагольствования тетушки краем уха и улыбался про себя. Какая она смешная, эта тетушка Фета. Даже не думает, что поздненько ей уже рассуждать, за кого бы она там пошла замуж, а за кого бы не пошла. Небось не двадцать лет нашей девчужке, чтобы о свадьбе думать.

Он искал Николая Ештакина, уроженца города Ленинграда, сорока девяти лет от роду. На счастье, фамилия оказалась редкой. А в сочетании с Николаем встретилась всего один раз. Саша быстро вошел на страничку и показал фотографию тетушке Фете и маме.

– Он?

Женщины склонились над экраном планшета. Они всматривались так долго, что Саша потерял всякое терпение:

– Ну что? Похож?

Женщины кивнули. И Саша с удивлением понял, что причина заминки вовсе не в том, что они не узнали Николая, а в том, что они обе плачут.

– Господи, как же он изменился!

– Страшный какой!

– На фотографиях у нас в альбоме – это такой красивый мальчик.

– А тут настоящий зэк!

– И наколок сколько!

– И зубов нету!

– И седой совсем.

Саша тоже повнимательней присмотрелся к выложенному на аватарке снимку. Да, короткий ежик, который топорщился на голове у мужчины, был совсем седым. И все остальное тоже соответствовало сказанному. Даже если бы Николай хотел нарочно напугать, у него не могло бы получиться лучше. На Сашу смотрело лицо законченного матерого уголовника, с тяжелым и одновременно пустым взглядом, наглой улыбкой и бледным помятым лицом. Плечи и грудь его были богато разукрашены татуировками.

– В кого он превратился!

– В того, кем и стал.

– Сколько же лет прошло с тех пор, как я его видела в последний раз? – задумчиво произнесла тетя. – Лет двадцать пять, я думаю. Тогда он еще вполне прилично выглядел. Но, конечно, Галка много для этого делала.

Оказывается, после разъезда бабушка не прекратила помогать пасынку. Каждую неделю она моталась к нему с авоськами, полными продуктов. Когда настроение у пасынка было хорошее и он был трезв, то Коля позволял женщине остаться, прибраться его квартиру, приготовить ему обед.

– В такие дни мама домой возвращалась в хорошем настроении. Говорила, что сердце у нее спокойно. Хотя бы несколько дней Коля будет сыт. Ведь приготовить даже самую простую еду из принесенных мамой продуктов он ленился. Думаю, что иногда мама подкидывала ему и денег, но вряд ли часто, деньги всегда уходили у Коли сквозь пальцы слишком быстро. Он их пропивал прежде, чем мама успевала доехать до дома.

Во время очередной отсидки пасынка именно его мачеха оплачивала коммунальные счета, возила передачи в СИЗО, потом отправляла в колонию посылки с чаем, сигаретами и всем прочим, что было необходимо.

- Мы с папой ругали маму. Говорили, что не нужно это делать.

- И я тоже так считаю! И Гале всегда говорила.

- Но мама считала, что это ее крест. Что это и она тоже виновата в том, что Коля получился таким.

- Не мне судить, но благодарности вы от Коли не дождалась.

- Это точно. Когда мамы не стало, я сообщила об этом Коле. И первое, что он спросил, кто теперь будет оплачивать ему «грев». Я сказала, что могу я. И пару раз отсылала ему передачи, но он все время требовал еще и еще. Потом стал требовать деньги. Сказал, что задолжал за коммуналку, что я должна заплатить, потому что иначе управдом грозит его выселить. Я отказала, потому что раньше уже давала ему деньги на оплату коммунальных платежей. И куда Коля дел эти деньги? Он их пропил. И сколько еще раз я буду ему давать? Я отказала. Он начал угрожать. И я прекратила общение с ним. Не знаю, выселили его из квартиры или нет, с тех пор я с ним больше не общалась.

- И ты поступила совершенно правильно, - уверенно произнесла Елизавета Федоровна. - В конце концов он взрослый человек, пусть живет своим умом. Сколько он еще будет ехать за наш счет? Вот я с самого начала заявила Галине, что от меня ее пасынок ничего не дождется. Она что-то болтала про милосердие и всякую такую ерунду, а я ей ответила, что милосердной было бы вообще его уничтожить. Такие паразиты только отнимают соки у здоровых членов общества. Забирают у них силы, которые в противном случае можно было бы потратить на созидание чего-то полезного. И я оказалась права! Уверена, что ранняя смерть Гали - это следствие перенесенных ею страданий в очередях на свидание и передачу. Она мне рассказывала, как ей иногда приходилось стоять по несколько часов на морозе или под проливным дождем и на ветру, прежде чем она получала возможность войти в помещение. И все это в окружении таких же несчастных жен и матерей. Конечно, все вместе это очень негативно сказалось на здоровье самой Галины. Такие места просто кишат энергетическими паразитами, которые и вселились в ауру моей сестры. Коля отнял у нее по меньшей мере двадцать лет жизни! Гаденыш!

Но все эти рассуждения ни к чему не вели. Уже один взгляд на фотографию Коли говорил о том, что такой персонаж очень даже запросто мог пытаться

подстроить смерть своей тетки с целью получения немаленького наследства. А если даже и не сам принимал участие в покушениях на жизнь тети Феты, то легко мог найти себе сообщников среди своего окружения.

- Надо мне с ним подружиться.

- С ума сошел!

Саша сразу понял, что дал маху, высказавшись вслух. Предложение сына Марине категорически не понравилось. Да что там не понравилось, оно привело Марину, мягко говоря, в ужас.

- А что тут такого? - попытался изобразить невинность Саша. - Это же мой дядя. Или я не прав?

- Это же уголовник! И он нас ненавидит!

- Меня-то за что? Мы с ним даже незнакомы.

- Меня он точно ненавидит! А ты мой сын. Значит, тебя он будет ненавидеть по аналогии.

- А тебя он за что ненавидит?

- Думаю, тут дело в зависти. Сидит он в своей камере на нарах и думает: вот почему у моей сестры есть все - и квартира, и семья, и отдыхать она ездит к морю, и кушает всякие вкусности, а я, такой вот несчастный и убогий, сижу тут, штаны который срок просиживаю.

Саша взглянул в лицо своего дядюшки.

- Что-то не похож он на несчастного. Выглядит так, словно бы очень всем доволен. Вон взгляд какой вызывающий. Вот я какой! Да он гордится собой, а не стыдится вовсе.

Но мама все равно считала, что идти на контакт с Колей и опасно, и преждевременно.

– Мы даже не имеем доказательств, что это именно он стоит за покушениями на вас, тетя. Надо сначала выяснить, что у него на уме. Проследить за ним.

– Это да, – согласилась Елизафета Федоровна с племянницей. – Но как это сделать, не входя с Колей в личный контакт?

– Ну можно ведь Саше попытаться втереться к Коле в доверие и не говоря, кто он такой на самом деле, – пошла на уступки Марина. – Если Коля не будет знать, что Саша – это мой сын, он и мыслей никаких подозрительных насчет Саши иметь не будет. Крутится пацан и крутится.

– Надо посмотреть по фотографиям, что у нашего Коли в виртуальной жизни делается. Есть ли семья? Друзья? Где он вообще бывает, кроме мест заключения?

Как ни странно, фотографий имелось много. И почти на всех Коля был в обществе одной женщины. Нельзя сказать, чтобы это была какая-то модель, скорее наоборот. Вид у дамы был кабанистый, лицо грубое, красное, расплывшееся, да еще с такими отеками, что тетушка Фета мигом предположила:

– Пьет она, что ли? Ну и подружку нашел себе наш Коля. Себе под стать!

За спиной парочки мелькали то стены деревянного, крашенного зеленой краской дома, то яблони, то огород. Иногда в кадрах появлялась речка, и тогда Коля позировал на фоне собственноручно выловленных окуней. Кстати говоря, окуни были вполне приличного размера. И Коля смотрел на эти фотографии в объектив нормальным человеческим взглядом, ничего не пытаясь из себя изобразить. Как говорится, богатый улов, расположившийся рядом на травке, говорил сам за себя.

Также в кадре имелась девушка. Кто она такая, заспорили все трое:

– Колькина дочь.

– Нет, этой бабы.

- Не похожа ни на нее, ни на него.

- Кто же такая? Соседка? Племянница? Дальняя родственница?

Присутствие этой девушки в кадре позволяло Саше расширить свои возможности. Если мама не хочет, чтобы он раскрывал свое инкогнито и дружил с дядей Колей, наверное, она не будет возражать, если Саша немножко подружится с этой девушкой. Тем более что девушка в кадре казалась вполне симпатичной.

Рыжие, вьющиеся мягкими кольцами волоса. Короткий прямой нос. Четкий контур пухлых губ. Она была худенькой, одевалась очень просто, но было что-то в ее глазах такое, что позволяло предположить: эта девушка добьется в жизни большего, чем ее родители. Или кем уж там ей приходились дядя Коля с его подругой.

Жаль только, что свой новый адрес дядя Коля указал расплывчато. «Деревня в Ленинградской области» - вот и все, что он написал. А что за деревня? Как ее название? Куда ехать?

Но приглядевшись, Саша заметил, что на доме виднеется табличка с адресом.

- «Камчатск...»

Дальше надпись обрывалась. Но и этого было достаточно. Наверняка улица называлась Камчатская. Теперь только и нужно было, что обратиться к яндекс-картам за помощью. Саша начал вбивать параметры поиска в строку поисковика, и тот выбрасывал ему один вариант за другим. Новая буква, новый вариант.

- Вот! Улица Камчатская. Поселок Ленинское.

- Это же совсем рядом от нас, - удивилась тетушка Фета.

Саша подтвердил:

- Показывает восемь километров.

– Что же это такое? – удивилась еще больше Елизавета Федоровна. – Коля все это время находился так близко от меня?

Саша снова вынужден был подтвердить и этот факт.

– И не зашел ни разу? А ведь он должен помнить, где я живу. Когда Коля маленький был, Галя частенько привозила его ко мне.

И тетушка Фета заволновалась уже не на шутку. Мысль о том, что все это время бывший уголовник, с которым у нее к тому же вышел конфликт, проживал в непосредственной близости от нее, привела тетушку в легкое смятение:

– Я думала, он в тюрьме. А он тут... рядом. На свободе. И не зашел. Обижается, поди, до сих пор на меня?

Саша промолчал, ему не хотелось окончательно запугивать тетушку Фету и маму. Но ему тоже казалось весьма неблагоприятным признаком то, что его дядя Коля почти за четверть века ни разу не дал о себе знать. Вряд ли подобное объяснялось душевной деликатностью уголовника, не желавшего травмировать своим появлением родственников. Скорее всего, дело было в застарелой обиде, которая и не пускала Колю наносить визиты своей родне.

– Мне это совсем не нравится, – покачала головой Марина. – Если он на свободе, живет более или менее пристойно, почему не дал о себе знать? Сколько могла, я его поддерживала. Он сам первый начал чрезмерно завышать планку. Я не могла отказывать своему ребенку в свежих фруктах, но слать при этом Коле на зону сигареты. Я ему так и сказала: бросай курить, это чрезмерно дорогая привычка для не работающего нигде человека. Да и сам здоровей будешь. Что такого особенно обидного я ему сказала? Ничего, кроме правды, он от меня не услышал. Он сам бучу поднял, в бутылку полез. Неужели до сих пор обижается?

– Похоже, так и есть.

– Ну и дурак, если так.

Но дурак или не дурак был Коля, а выяснить, что у него делалось в голове насчет наследства тетушки Феты, было необходимо. Тетушка так упрашивала

Сашу не тянуть, что он согласился выехать прямо сейчас.

- Скажи, что подыскиваешь для своей бабушки дачу на лето, - поучала она Сашу. - Сначала походи для отвода глаз по другим домам в этом Ленинском, поспрашивай, кто сдает. А потом уже и к Коле домой загляни. Если даже он потом что-то и заподозрит, у соседей спросит про тебя, они ему подтвердят, что ты и у них побывал.

Марина вышла проводить сына в дорогу.

- На тебя вся надежда, сынок. Страшно мне тебя отпускать. А не пустить еще страшней. Надо нам планы моего братца разведать.

- Не волнуйся, мама. Все разведу. Одного не понимаю: если есть завещание и оно написано в твою пользу, зачем Коле желать смерти тетушки? Что он от этого выиграет?

- Не забывай, что он может и не знать ничего про это завещание. Никто же ему не сказал, что тетя меня официально своей единственной наследницей признала. А если завещания нету, то мы с ним в равных правах оказываемся. Не забывай, что Колю моя мама усыновила - значит, в глазах закона он все равно что ее родной сын. И родной племянник тетушки, так получается. Что он, что я - по закону мы можем на наследство тети претендовать в равных долях. И еще тут есть один момент. Сообщница-то у преступника все время оказывается похожей на меня. Станет полиция расследование проводить, свидетелей опросят, а те и подтвердят, что видели женщину, похожую на меня. И на кого подозрение падет в первую очередь?

- На тебя.

- Вот именно! А убийца за своей жертвой наследовать не имеет права. То есть я из числа наследников тети вылетаю. И кто у нас тогда в дамках оказывается? Коля и оказывается! Он единственный близкий родственник тети, в данном преступлении себя ничем не запятнавший. Ему все наследство и достанется.

- Разве не мне? Я же твой сын.

– Но тете ты всего лишь внук, да еще не родной, а двоюродный. Против родного племянника у тебя нету шансов. Ты в очереди на наследство стоишь дальше в хвосте.

– Ладно. Я уж и сам понял, что не обогатиться мне за тетушкин счет, – проворчал Саша. – Так поеду съезжу, из чистого альтруизма.

Конечно, он шутил. Не собирался он наживаться за счет тетушки. Хотя ее предложение о том, чтобы возглавить юридический отдел в ее бизнесе, было весьма соблазнительным. «Мансарда» была процветающим предприятием, где для всех имелась работа, а стало быть, можно было понабраться опыта. Несмотря на успехи в учебе, которые демонстрировал Саша, мысли о собственном будущем у него были самые туманные. Выпускников вузов, пусть и с дипломом, но без опыта работы брали к себе весьма неохотно. И упускать такой отличный шанс, чтобы потрудиться в «Мансарде», Саша не собирался. Небось не обидит его тетушка с зарплатой. А если даже и заплатит минимум, зато даст ему рекомендации. И это будет для будущего молодого студента поважнее сиюминутного заработка.

Поэтому Саша был готов из кожи вон лезть, лишь бы услужить тетушке Фете. Нет, он бы ей и так помог, но все-таки когда у человека в деле имеется свой собственный личный интерес, оно ему как-то веселей и ближе к сердцу становится.

В Ленинское юноша прибыл быстро. А вот на то, чтобы разыскать улицу Камчатскую, у него ушло гораздо больше времени. Кого бы он ни спрашивал, все начинали как-то загадочно и хитро улыбаться, а потом с усмешкой махали рукой:

– Там! Туда поезжай!

Причем направление раз от раза менялось, так что у Саши даже сложилось впечатление, что Камчатская огибает поселок по периметру. Куда ни пойдешь, все на нее наткнешься. Как выяснилось впоследствии, это представление было недалеко от истины. Саша уже изрядно устал и намучился, когда над ним сжалась какая-то старушка в здешнем магазине, которая и объяснила:

– Камчатская, или Камчатка – это так мы, местные, прозвали дорогу, вдоль которой люди сами землю захватили и дома построили. На отшибе она, на самом

краю поселка, потому и Камчатской зовется. Хотя какие у них там дома, так, сараи да теплушки. Люди строили их с мыслью, что если и снесут, так не жалко будет. Но власти наши что-то медлят самострой снести. Из года в год все по-прежнему остается. Так что кое-кто и дома ставить начал. Глядишь, через пяток лет и легализоваться сумеют.

– Как же они там? Без света! Без воды.

– Почему без воды? Воды у них в колодцах хоть залейся. И свет тоже есть. Сначала они самовольно к сетям подключились, а потом им власти счетчик врезали. Пользуйтесь, но за свет платите. А уж как они там между собой разбираются, кто и сколько должен платить, этого я тебе не скажу. Но место это спокойным не назовешь. И если ты и впрямь дачку на лето для своей бабушки ищешь, то ступай искать в домах, что возле монастыря стоят.

И старушка указала на купола и кресты храмов, которые были видны отовсюду, благодаря тому, что монастырь стоял на горке.

– Вот уж поистине спокойное местечко. Тишина и душевный покой. Раньше там у нас кинотеатр был и клуб, ясное дело, по выходным танцы и гульба, а теперь совсем иное дело. Благодать! Там у них и святынь много, и люди особенно душевные. Вот там отдых. А на Камчатке этой твоя бабушка вряд ли спокойно отдохнет. Очень уж бедовый народ тот края заселяет.

– Возле монастыря небось дорого хозяева попросят.

– Так ведь для родной бабушки стараешься.

– Мне бы подешевле, – затянул жалобную песню Саша. – Сам я студент. Бабушка на одну пенсию живет.

– Ну коли подешевле, ступай себе на Камчатскую. Дешевле, чем там, тебе дачу во всем Ленинском не найти. Это уж точно. Но только для бабушки мог бы и расстараться, работу какую найти или даже в кредит влезть. Бабушка тебе жизнь дала. Так не грех внукам на старости лет о своих стариках и позаботиться, и побаловать их немножко лишний раз.

Старушка явно имела при этом в виду саму себя. Это ей хотелось и заботы, и баловства. Но судя по той горечи, которая прорвалась в ее словах, ничего такого старушка вокруг себя не наблюдала. Ну или ей казалось, что не наблюдает.

И Саша пошел, причем в прямом смысле этого слова, потому что нормальных подъездных путей для автомобиля к этой улице не было. Да и не улица это была в полном понимании этого слова. Когда-то тут стояли коровники, которые в лихие девяностые при тотальном развале промышленности и хозяйства также полностью прекратили свое существование.

Куда делось стадо племенных буренок, не хотелось даже думать. А вот кирпичные стены коровника сохранились, хотя и в несколько видоизмененном состоянии. Их местные предприимчивые граждане растащили по своим дворам. Ну а с другой стороны, чего добру под открытым небом пропадать? Все равно если не я, то кто-нибудь другой точно утащит. И обидно будет, что ушами хороший кирпич прошлепал. Так и строили свое новое будущее на фундаменте из кирпичиков советского прошлого.

Прошло некоторое время, и вдоль дороги, соединявшей бывший коровник с шоссе, стали селиться люди. Благополучным или живописным это место назвать было никак нельзя. Все бывшие колхозные выпасы вокруг заросли борщевиком. Пока что он еще не достиг своей максимальной мощи, да и цветов видно не было, но можно было себе представить, какие ядовитые джунгли поднимутся вокруг заборов и домов где-то к середине лета.

– Тук-тук! – стучал Саша то в одну покосившуюся калитку, то в другую, не менее покосившуюся и скрипучую. – Можно у вас узнать насчет комнатки на лето?

Иногда калитки и вовсе никакой не было, и забор являл собой лишь рудиментарные вкрапления, тогда Саша прямо проходил по маленьким дворикам и осведомлялся, не сдадут ли его бабушке на лето дачку. Почти все хозяева, которых заставлял Саша дома, выражали горячий интерес к его предложению. Видимо, нечасто на Камчатской улице появлялись такие визитеры, готовые платить за то, чтобы поселиться тут. Хозяева тут же выражали желание уступить неизвестной старушке свои лучшие апартаменты, но требовали аванс, и лучше, если сразу водкой.

С авансом Саша тянул, внешность хозяев не внушала ему доверия, и в итоге в паре домов ему пригрозили набить морду, чтобы не ходил тут и не обнадеживал страждущих граждан понапрасну. Но своей цели Саша добился. Когда он завернул к дому дяди Коли, за его спиной имелось уже не меньше семи свидетелей, готовых подтвердить, что этот чувак и впрямь подыскивает для своей старушки съемное жилье на лето. Вот только капризен больно – и то ему не так, и это не эдак.

Возле дома, который казался ему наиболее похожим на дом на фотографии с дядей Колей на переднем плане, Саша и притормозил. Вроде бы и забор похож. И вон ту березу с искривленным стволом Саша на фотографиях тоже видел. А что же с самим домом?

Саша его оглядел и заключил:

– Неплохо.

Собственно говоря, это был единственный дом на улице, который выглядел настоящим человеческим жильем. Не курятником, не скворечником, не сарайчиком, а именно что домом. На кирпичном фундаменте, в который, как сильно подозревал Саша, пошел кирпич от старого коровника, стоял крашенный пусть и сто лет назад, но все-таки крашенный зеленой краской дом. Нет, в другом месте его бы презирали все вокруг, но тут он выглядел королем. Два этажа. Печка. Труба на крыше. Да еще возле дома еще какие-то сараюшки, в которых что-то похрюкивало.

Во дворе дома важно разгуливали курицы. Они были грязными и совсем не похожими на тех куриц с картинок, которых неизменно демонстрируют фермеры в качестве счастливых деревенских куриц. А между тем это были те самые находящиеся на вольном выпасе куры, которые должны были нести экологически здоровые яйца с ярким желтком.

Но посмотрев на эти замурзанные создания, с увлечением расклеывающие в данный момент старую автомобильную шину, Саше что-то совсем расхотелось кушать деревенские яички. И он почти с умилением вспомнил чистеньких, беленьких, привитых от всяких болячек и накормленных до отвала антибиотиками птичек с городских птицефабрик.

Кроме куриц, во дворе был еще огромный лохматый пес. Судя по табличке на воротах, он был злой и с ним нужно было держаться осторожно. Но пока что пес мирно грыз кость, совершенно не обращая внимания на наглых куриц, которые разве что глаза ему не выклевывали. Но стоило Саше сделать шаг во двор, как пес оставил кость, поднял голову и внимательно уставился на Сашу. Потом он встал и потянулся.

Ноги у собаки были такие длинные, что наводили мысли о родстве этого кудлатого чуда с английским догом. Родстве очень отдаленном, но все же родстве. Пес выгнул спину, потом потянул одну лапу, потом другую и, наконец, закончив гимнастику, подошел к гостям так близко, насколько это позволяла длинная заржавелая цепь у него на шее.

Надо сказать, что никакой агрессии пес к чужакам не проявлял. И в первую очередь он заинтересовался Бароном, которого попытался обнюхать, для чего вытянул шею, оказавшуюся тоже удивительно длинной. Барон сперва струсил. Но быстро смекнул, что цепь не позволит этому монстру причинить кому-либо вред, и запрыгал перед самым носом у детины. Несмотря на цепь, за собакой явно следили. Кудлатая шерсть была расчесана. В миске была вода. А возле будки валялась внушительных размеров кость, даже не до конца еще обглоданная. И на самой собаке был надет красивый красный ошейник с подвеской-медальоном.

– Грифон, – прочитал Саша на медальоне. – Значит, ты Грифон? Ну будем знакомы, давай лапу.

К его удивлению, собака опустилась на попу и медленно и важно протянула ему лапу. Саша потряс и замолчал. Он не знал, как ему быть дальше. Да, Грифон не проявлял никакой агрессии, но в то же время его карие глаза из-под густых бровей внимательно наблюдали за каждым движением незнакомцев.

– Грифон, а где твой хозяин? Где дядя Коля?

Собака повернула голову к дому и тяжело, совсем по-человечьи вздохнула. Мол, дома он, да что от него радости?

– Могу я к нему пройти?

Грифон вздохнул еще раз и разве что плечами не пожал. Мол, какое мне-то до этого дело? Иди, если хочешь. После чего, потеряв всякий интерес к гостям, он поплелся к своей будке, улегся и вновь принялся глотать свою кость. Приняв это за разрешение, Саша двинулся дальше. Шагал он с осторожностью, одним глазом все-таки поглядывая в сторону Грифона. Но тот совершенно не обращал внимания ни на Сашу, ни на Барона, преданно семящего рядом с хозяином. Выражение морды Грифона было совершенно однозначным: пока вы порядок на моей территории соблюдаете, и я вас не трону.

Но не успел Саша дойти до крыльца, как из открытого окна донесся властный женский голос:

- Коля, обед на столе. Садись!

- Не садись, а присаживайся. Сколько тебе повторять!

Второй голос был мужской, низкий и какой-то хрипловатый. Саша так и замер. Он не столько понял, сколько кожей почувствовал, кто это говорит. Саша подошел ближе к окну и прислушался к дальнейшему разговору супругов. В доме слышался звон тарелок и кастрюльных крышек – все те звуки, которые предшествуют трапезе.

- Катьку ждать разве не будем?

- Зачем? – равнодушно ответила женщина. – Придет, поест, что осталось.

- Ты бы ей отложила соуса-то. Девчонка наша соус этот очень любит.

- Что-то ты сильно о ней заботишься.

Голос женщины звучал язвительно. Но мужчина не поддался и ответил рассудительно:

- Сама понимаешь, сколько на нее завязано. И тебе тоже надо к ней поближе быть. А то ты ее все шпыняешь больше.

– Будешь ты меня еще учить, как с собственной дочерью себя вести! – вспыхнула женщина. – Ты-то ей не родной отец!

– Да что бы ты понимала! Мне Катюха как дочь. Я же ее вот такусенькой помню. Кто ее в школу в первый класс повел? Я и повел. Родной-то ее батя тю-тю! Свинтил, как только она на свет появилась. Только сейчас я не о том говорю. Катюха в нашем деле нам помогает. А дело-то какое! На много миллионов! Если мы это наследство получим, то и про свиней, и про коз, и про куриц можем на всю оставшуюся жизнь забыть. И с Камчатской этой в нормальное место переедем. Хочешь, даже на заливе жить будем. Уже и дом готовый имеется. Только занять его нам и осталось.

– Я это все и без тебя знаю. И про дом на заливе, и про миллионы.

– А если знаешь, тогда ласково с Катюхой себя держи. Без нее мы никак не обойдемся.

– А значит, надо к ней подольстится, это ты хочешь сказать? Чтобы я к девчонке мелкой подхалимничала?

– Что, тебе жалко ей тарелку соуса оставить? Или вообще подождать, не садиться без нее к столу. Девчонке приятно будет.

– Психолог! – фыркнула женщина. – Хочешь Катюку ждать, дело твое. А я голодной сидеть не буду. Остынет все, потом есть невкусно будет.

– Ну как хочешь. Тогда и мне наливай. Что же я на тебя смотреть буду?

В доме воцарилась пауза, видимо, примирившиеся супруги дружно принялись за еду. Саша потихоньку начал отступать назад. Сердце в груди у него колотилось, словно сумасшедшее. То, что ему удалось подслушать без всякого труда, заставило Сашу окончательно утвердиться в своих подозрениях насчет дяди Коли.

Тут что-то затевалось!

Сомнениям места не оставалось никакого. Дядя Коля прямым текстом заявил в откровенном разговоре, что собирается в ближайшее время разбогатеть. И не просто разбогатеть, а разбогатеть сказочно. И не сам по себе он собирался приподняться, не за счет их с женой маленького птичника, а за счет очень большого наследства.

А откуда могло взяться такое наследство? Только от Елизафеты Федоровны, которую эти люди уже явно приговорили к смерти и теперь только ждут, когда приговор вступит в силу.

Глава 5

Саша умом уже осознал, что угодил в логово к самым настоящим злодеям, но все еще не мог до конца поверить в такую отвратительную и гадкую человеческую низость. Ведь тетушка Фета приходится родней, по крайней мере, одному из двух злодеев. И что же, ее в расход? Может быть, все же у супругов имеется какой-то другой план? Может быть, Саша что-то неправильно или не так понял?

Но голос разума снова подсказал Саше не обнадеживаться.

– И в дом дядя Коля хочет переехать в такой, что у самого залива стоит. В конкретный дом. А чей у нас дом на заливе? Только тетушки Феты!

Саша знал, что тетушкин просветительский центр «Мансарда» как раз на самом берегу залива и находится. Из окон этого дома вся водная гладь залива видна как на ладони. Да еще участок сорок соток, поросший вековыми соснами. Этот участок достался тетушке от ее родителей. В те годы он ничего не стоил, потому что вроде как принадлежал не лично дедушке, а был выдан ему государством во временное пользование для строительства летней дачи.

Но в девяностых тетушке удалось приватизировать и землю, и строение. При жизни родителей тетушки на участке стоял всего лишь маленький деревянный домик, который совсем развалился и был снесен. На месте этой хибарки тетушка выстроила огромных размеров дом, не забыв привезти земли и искусственно увеличить возвышенность в центре участка. Так что теперь дом стоял словно бы

на горке. И вид из его окон открывался поистине фантастический.

На этот самый дом дядя Коля и зарится. Вид из окон ему понравился. Наверное, побывал в «Мансарде», осмотрелся, приценился и решил действовать.

Ну что же, Саша все выяснил. Больше ему сейчас тут делать было нечего. Встречаться сейчас со своим дядей – значило выдать себя с головой. Новость о низком вероломстве дяди Коли настолько сильно потрясла Сашу, что ее требовалось сначала переварить и осмыслить. Саша боялся, что, столкнувшись он с дядей сейчас, не сможет сдержать своих чувств.

Отступая с вражеской территории, уже у самых ворот Саша столкнулся с миловидной молоденькой девушкой.

– Ой!

Саша так и застыл, глядя на девушку. Он сразу понял, что это та самая рыженькая девчушка с фотографии, которую он видел на страничке у дяди Коли. Только теперь девушка еще подросла и еще больше похорошела. До чего же она была красива! У Саши даже дух захватило.

Но сама девушка смотрела на Сашу без малейшего намека на симпатию и того больше, настороженно.

– Вы кто?

Саша растерялся не столько от самого вопроса, сколько от вида ее чудных и глубоких синих глаз.

– Да вот, – смущенно пролепетал он, – насчет комнатки бы мне.

– Какой еще комнатки?

– Да мне бы для моей бабушки, – забормотал Саша, чувствуя, как стремительно краснеет под внимательным взглядом этих глаз, – маленькую комнатку... на лето.

- Так вы хотите снять комнату на дачный сезон?

- Да.

- У нас?

- Да.

- Посмотрите ближе к заливу, - посоветовала девушка, теряя интерес и больше не глядя на Сашу. - Что вашей бабушке делать в нашем захолустье?

- У вас монастырь красивый.

- Ну так снимите жилье поближе к монастырю. Чего у нас-то? Одна помойка, что сразу за нашим домом начинается, и борщевик вокруг. Пойдет ваша бабушка гулять и обожжется до пузырей. Оно вам надо? Езжайте в центр, там снимите.

- Там дорого, - завел старую песню Саша. - А я студент. Денег у меня мало.

- А у нас, думаете, дешевле обойдется? - усмехнулась девушка. - У нас люди такие живут, что с мертвого три шкуры сдерут. Хотите сэкономить, а получится наоборот. Я точно вам говорю. Всю жизнь тут живу, знаю здешние порядки.

В этот момент взгляд девушки переместился на Барона, и она нахмурилась, словно пытаясь что-то вспомнить.

А потом произнесла:

- Какая симпатичная собачка.

- Это он.

- И как его зовут?

- Барон.

– Вот как.

И девушка взглянула на Сашу с куда большим интересом, чем вначале. Но понять смысла этого изменившегося к нему отношения Саша не сумел. Хотя ему было, конечно, лестно, что больше на него не смотрят, как на пустое место. Девушка даже взяла его за руку и развернула, словно хотела получше рассмотреть. Так оно и оказалось, потому что девушка буквально впилась глазами в Сашу.

Потом она едва слышно хмыкнула и сказала:

– Если вы хотите снять у нас комнату, то мои родители, я уверена, с удовольствием ее сдадут вашей бабушке. Пойдемте, обсудим условия.

Назад к преступникам и злодеям? В их дом? Ни за что! Если дядя Коля и впрямь всерьез взялся за тетушку, он должен был за ней следить. И мог видеть рядом с ней Сашу. Только теперь Саша понял, как рискованно было соваться сюда в своем натуральном обличье. Что он, загримироваться не мог? Лентяй и недотепа!

– Нет, нет! Я еще думаю. И я должен обсудить все с бабушкой.

Девушка шагнула ближе и неожиданно строго прошептала ему прямо в лицо:

– Хватит врать мне про бабушку! Я знаю, кто ты такой!

Саша оторопел. Он только и мог что молча смотреть на девушку.

А она продолжала сердиться:

– Ты внук Елизафеты Федоровны! Да, да!

– А... А ты?

– А я – Катя! И не вздумай отпираться, что ты – это не ты. Я видела тебя и твою физиономию на целой куче фотографий, которые твоя бабушка нам всем показывала, и причем не по одному разу! И тебя, и твою собаку я видела так

часто, что практически сроднилась с вами! Так что я не могу ошибаться насчет тебя!

- Ты знаешь тетушку Фету?

- Еще бы мне ее не знать! Кто не знает Елизавету Федоровну? Она же звезда! Местная знаменитость. А у нас в библиотеке она появляется каждую неделю.

- Неужели?

- Она ведет цикл лекций, посвященных оздоровлению сознания. Каждый понедельник в полдень она бывает у нас в библиотеке.

- А... А зачем? Если кто хочет оздоровиться, тот может прийти в «Мансарду».

- В самом центре за то, чтобы попасть на занятия, нужно платить деньги. И немалые. А у нас в библиотеке те же лекции ничего не стоят. Твоя тетушка ведет их в качестве жеста доброй воли. От желающих ее послушать нету отбоя. Все места заняты. И еще дополнительные стулья приходится приносить в зал.

- Я не знал, что тетушка – частый гость в вашей городской библиотеке.

- Каждую неделю приходит!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/darya-kalinina/drayv-hayp-i-kayf>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)